

кто несет ответственность за ее мучения? Кому это было нужно? И обвиняет в этом безжалостную государственную систему, установленную в стране в послереволюционное время (р.115—116).

ЗАПРЕТ НА ЖИЗНЬ

Внешне, особенно вначале, все обстояло благополучно. Галимджан Гирфанович Ибрагимов, известный татарский писатель, общественный деятель, сразу же после октября 1917 г. активно включился в строительство нового мира. Он был депутатом разогнанного большевиками Учредительного собрания, членом ВЦИК РСФСР, заместителем М. Вахитова в Центральном Мусульманском комиссариате при Народном комиссариате по делам национальностей. В ту пору неоднократно встречался с руководителями советского государства В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и другими. Ибрагимов был среди тех, кто тогда реализовывал советскую национальную политику по отношению к тюркским народам страны. Он был левым эсером, вместе с Ф. Сайфи в марте 1917 г. основал газету "Ирек" ("Воля"), в декабре 1920 г. вступил в РКП(б), учитывая его революционные заслуги и проделанную работу в борьбе за Советскую власть, партийный стаж ему зачли с апреля 1917 г., т. е. включили в него и левозеровскую работу.

В 20-е годы Ибрагимов—один из руководителей развития татарской культуры: пишет учебники для татарской школы, возглавляет Академический центр Наркомпроса республики, редактирует журнал "Магариф" ("Просвещение"), его художественные произведения в 1918—1936 годах выдержали 54 издания на 10 языках народов страны. Его биография, творческий путь описаны в десятках работ, полнее других в монографии М. Х. Хасанова "Галимджан Ибрагимов" (Казань, 1969). Но оказалось, что жизнью писателя и общественного деятеля интересовались не только историки, философы и литературоведы. Выяснилось, что советский писатель, человек, воевавший и утверждавший все советское, был под неотступным наблюдением советского учреждения—ОГПУ. Эта сторона дела, тайная, секретная, долгие годы не упоминалась публично нигде. В стране, государственный и общественный строй которой Ибрагимов укреплял и поддерживал как мог, ему доверяли Ленин, Вахитов, сотни больших и малых руководителей Татарии, миллионы читателей, но не система, подозревавшая любую личность, способную на самостоятельное мышление и поступки, на инакомыслие.

Ибрагимовы приняли в РКП(б), но никогда не забывали о том, что он был когда-то левым эсером. В 1922 году во время судебного процесса над руководителями партии правых эсеров в Москве появилась одна из первых чекистских справок об Ибрагимове (на учет брали всех бывших эсеров, и левых, и правых, и вступивших в РКП(б), и ставших беспартийными). В ней, как и положено, описание для филерского наблюдения: "Ибрагимов—светлый брюнет, среднего роста, носит длинные русые волосы". И довольно неожиданное своей категоричностью и отсутствием доказательств заключение: "В Казани, наряду с группой Султан-Галиева. (республиканцев), действует группа эсеров Ибрагимова. В нее входят Шагит Ахмадиев, Фатых Сайфи, Насых Мухутдинов (комиссар муспехкурсов), Галимджан Шараф, Махмуд Будаили, Алкина-Манина (жена И. Алкина) и другие... Ибрагимов—безусловный националист. Чрезвычайно крупная политическая и литературная фигура среди всех мусульманских масс Поволжья, Приуралья и Сибири".

Можно легко обнаружить сходство между этой справкой и той, которая стала основанием для постановления младшего лейтенанта госбезопасности Каменщикова об аресте Г. Ибрагимова 25 августа 1937 года. В этом последнем говорилось: "Имеющимся материалом с достаточной полнотой уличается Ибрагимов Галимджан в том, что в 1920 году примкнул к к/р националистической группе так называемых "левых" в Татпарторганизации, а в 1925 г. с определенной частью этой группы вошел в к/р троцкистско-националистическую организацию, в которой играл роль одного из руководителей вплоть до последнего времени, проводя практическую к/р работу на культурно-идеологическом фронте, т. е. в преступлении, предусмотренном 58-10 ч. I и 58-11 ст. ст. УК РСФСР. Принимая во внимание, что пребывание на свободе Галимджана Ибрагимова, в интересах следствия, невозможно, руководствуясь 145 и 158 ст. ст. УПК...

Мерой пресечения для Ибрагимова Галимджана, 1887 года рождения, сына муллы, уроженца дер. Султан-Муратово, Стерлитамакского района, Башкирской АССР, члена ВКП(б), по профессии писателя, татарина, проживающего в городе Ялте, Крымской АССР—избрать содержание под стражей. Командировать в г. Ялту спецконвой для доставления Ибрагимова в город Казань".

Арест был разрешен капитаном ГБ Веверсом, прокурором Лейбовичем, заместителем наркома внутренних дел ТАССР майором ГБ Ельшиным.

25 августа 1937 г. сотрудник НКВД Татарии Курбанов получил ордер на обыск, арест писателя в Ялте и

документы на доставку его в Казань. В ялтинское отделение НКВД была отправлена соответствующая телеграмма. 20 августа на квартире Ибрагимова (Ялта, ул. Боткинская, д. 23) при понятном Константине Фролове был произведен обыск. Были изъяты паспорт, партбилет, браунинг, грамота Героя Труда, билет члена Союза писателей, личная переписка, папка с документами, сберкнижка. Ибрагимова поместили сначала в Симферопольскую тюрьму, партбилет сдали в Ялтинский райком партии, затем этапировали в тюремном вагоне в Казанскую тюрьму и позже перевели в следственный изолятор НКВД Татарии.

В следственном деле Ибрагимова справки московских и крымских врачей о том, что в 1934 г. в Ялте его оперировали первый раз, а в 1935 г.—вторично (резекция двух ребер), что Ибрагимов страдает туберкулезом легких и почек, что процесс в легких открытый с кровохарканием и туберкулезными палочками. На отсрочку ареста Ибрагимова не повлияла ни справка врачей, ни донесения агентуры, не спускающей с него глаз, ни тяжелейшее состояние здоровья писателя. Еще в январе 1928 года сексот докладывал: "Г. Ибрагимов уже полтора месяца лежит без движения, каждый день у него из горла идет кровь. Врачи уже потеряли всякую надежду на выздоровление, он сам уже уверен в своей близкой смерти. Это состояние до некоторой степени повлияло на его психику и он ни о чем, кроме своей болезни, не говорит". Даже больной, он продолжал представлять опасность для тоталитарной системы. Он не был ни шпионом, ни контрреволюционером, не ставил задач разрушения государства, измены родине. Какие же все-таки были, и были ли основания у тех, кто не верил своим согражданам, у тех, кто мыслил только лагерными категориями, мешать Ибрагимову (одному из многих) не только жить, но и умереть в собственной постели, а не в тюремной больнице? Ведь в следственном деле нет протоколов допросов Ибрагимова, есть лишь врачебные справки. 31 декабря 1937 г. его осмотрел доцент ГИДУВа Захаров и обнаружил "резкое истощение", "безнадежность положения". И после этого Ибрагимову не был обеспечен надлежащий врачебный уход, его не отпустили, не позволили умереть дома! В деле акт N 3 от 21 января 1938 года: "Мы, ниже подписавшиеся врач больницы ОМЗ Маврина, лекпом Байкеев и старший надзиратель Петров, составили настоящий акт в том, что лишенный свободы Ибрагимов Галимджан, 50 лет, прибывший из казанской тюрьмы N 1 21/X-1937 г.—умер 21/I-1938 г. от туберкулеза легких и туберкулезного плеврита". А также, что он "схоронен в общем порядке, средствами больницы 27/I-1938 г. Сообщено о смерти Ибрагимова начальнику

тюрьмы т. Нугуманову—24/1-1938 г., вследствие тех обстоятельств, что 22 и 23 числа января месяца были нерабочими”. Все обычно и просто: был человек, писатель, общественный деятель, которого читали и слушали люди,— и нет его, “схоронен в общем порядке...” Но только 16 июня 1938 г. НКВД Татарии прекратило следствие в отношении Г. Ибрагимова в связи с его смертью. Ждали полгода, может быть, надеялись, что он воскреснет? Не напрасно надеялись. Галимджан Ибрагимов воскрес. Не удалось ни его, ни многих других “схоронить в общем порядке”...

Но тогда, когда Ибрагимов полтора месяца находился в следственном изоляторе, а затем несколько месяцев в тюремной больнице, следствие тщательно готовило на него компромат. В него вошли оговоры, выбитые (вместе с зубами) у арестованных руководителей республики и писателей Татарии, которые подписывали протоколы допросов с характеристиками Ибрагимова как “эсера и пантюриста”, “лидера буржуазно-националистической интеллигенции”, “протаскивающего в своих произведениях националистические воззрения”. Нелепо и говорить, что все эти “утверждения” никак не подтверждались фактами.

В апреле 1944 года, видимо, в связи с готовящимся постановлением ЦК ВКП(б) о работе Татарской партийной организации, майор НКГБ ТАССР Юнусов составил специальную справку о “бывшем писателе Ибрагимове Г. Г.” На основе весьма своеобразной и целенаправленной интерпретации произведений Ибрагимова майор делал вывод о том, что в художественных произведениях писателя, изданных до революции, “пропагандировался идеализм и буржуазный национализм”, а в изданных после революции— “восхваляется эсеровщина, дискредитируется партия большевиков”.

Поиском правды об Ибрагимове можно назвать процесс его реабилитации. Хотя нельзя не заметить, что для того, чтобы его осудить и память о нем предать забвению, хватило оговоров и разговоров, а для того, чтобы реабилитировать, понадобились документы и эксперты.

24 мая 1955 года прокуратура Татарии поручила КГБ республики проверить правильность ареста Г. Ибрагимова и оценить его деятельность и произведения. Прокуратура ссылалась на письмо писателя А. Еникеева в ЦК КПСС, в котором было высказано требование реабилитировать Г. Ибрагимова, чье творчество оказало огромное влияние на развитие татарской литературы. Прокуратура поставила задачей установить правильность показаний об Ибрагимове, выяснить оперативные данные о нем, проверить их достоверность, подвергнуть квалифицированной экспертизе его труды.

Первое, что сделал майор КГБ М. Аминов, это создал экспертные комиссии для оценки произведений Г. Ибрагимова, изданных на русском и татарском языках. В русскую комиссию вошли доценты Казанского педагогического института И. Пехтелев, И. Рахлин и доцент университета Е. Колесникова (вскоре она заболела и участия в работе комиссии не принимала). В татарскую—научные сотрудники КИЯЛИ КФАН СССР Г. Халитов, Х. Гимадутдинов, преподаватель университета И. Нуруллин.

В заключении, подписанном Халитовым, Гимадутдиновым и Нуруллиным 24 сентября 1955 г., говорилось, что "Г. Ибрагимов—писатель, прошедший сложный творческий путь и оставивший богатое художественное, публицистическое и научное наследие... Не отрицая наличия недостатков и политических ошибок в послеоктябрьской деятельности Галимджана Ибрагимова, мы констатируем, что опубликованные в печати материалы свидетельствуют о том, что Ибрагимов укреплялся на полезной советскому народу и советской культуре идейной позиции и, искренно преодолевая свои ошибки и недостатки, рос как видный советский писатель и общественный деятель". Пехтелев и Рахлин, проанализировав романы Ибрагимова "Глубокие корни", "Дочь степи", "Татарка", не обнаружили в них ничего контрреволюционного.

Аминов обнаружил, что в качестве доказательства вины Ибрагимова к делу были приобщены выписки из показаний на предварительном следствии арестованных по другим делам М. Багаутдинова, Г. Мухаметзянова, И. Рахматуллина, К. Нежметдинова, В. Филиппова, К. Абрамова, а также заявление Г. Касимова.

В живых из них оставался только Кави Наджми. 14 сентября 1955 г. Аминов пригласил его на беседу о Г. Ибрагимове. Наджми сообщил, что познакомился с Ибрагимовым в 1924–25 годах в редакции литературного журнала "Безнең юл", куда он отнес свой рассказ о гражданской войне, и Ибрагимов его положительно оценил. Наджми сказал, что ему ничего не известно о контрреволюционной деятельности Ибрагимова, наоборот, ему известно, что Ибрагимов "стремился помогать развитию советской культуры, советской науки и литературы". Он говорил о том, что положительно оценил деятельность Ибрагимова в своем докладе на I Всесоюзном съезде писателей (1934 г.). Наджми заявил, что Ибрагимов "принес много пользы в деле расцвета советской культуры. В связи с этим я еще раз отвергаю мои собственные показания, вынужденно подписанные мною в 1937–38 годах, как несоответствующие действительности" (15 октября 1937 г. Наджми подписал на допросе характеристику Г. Ибрагимова как человека,

“группировавшего вокруг себя буржуазно-националистическую интеллигенцию”).

В показаниях Махмута Багаутдинова, бывшего секретаря Татарского обкома комсомола (арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г.), говорилось о том, как Суббук Рафиков (редактор детской литературы Татгосиздата, осужден в 1938 г. к 10 годам заключения) и Гаяз Давлетшин (помощник второго секретаря обкома партии, арестован 20 декабря 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г.) написали письмо Г. Ибрагимову в январе 1937 г. В этом письме они восторгались творчеством Г. Ибрагимова: “Ты наш лучший учитель, мы надеемся, что ты еще дашь не одно хорошее произведение, пожелаем тебе успеха в работе и здоровья”. На допросе Рафиков категорически отрицал наличие чего-либо контрреволюционного в этом письме.

Галим Мухаметзянов был вторым секретарем Татарского ОК ВКП(б). Его арестовали 24 октября 1937 г., расстреляли 10 мая 1938 г., на допросе он назвал Ибрагимова “эсером и пантюркистом”, доказательств никаких не привел.

Киям Абрамов, бывший председатель совмина республики (арестован 31 июля 1937 г., расстрелян 9 мая 1938 г.) на допросе назвал Ибрагимова “националистом”, опять-таки не аргументируя свое показание.

Василий Филиппов, секретарь Тат. ЦИКа (арестован 28 ноября 1937 г., расстрелян 9 мая 1938 г.), на одном из допросов сообщил, что он слышал об Ибрагимове как “крупном работнике-националисте”.

Газым Касымов, бывший директор Казанского государственного педагогического института (арестован 30 декабря 1936 г., расстрелян 19 августа 1937 г., измученный допросами, он часто отказывался от прежних показаний), говорил на одном из допросов, что Ибрагимов “обманным путем присвоил себе партстаж с 1917 года”, что он оставался эсером и т. д. Подлинник его заявления о будто бы состоявшемся в его присутствии разговоре Ибрагимова с секретарем обкома партии М. Разумовым в делах отсутствует.

Бари Абдуллин, второй секретарь Татарского ОК ВКП(б) (арестован 10 марта 1937 г., расстрелян 3 августа 1937 г.), на допросах назвал Ибрагимова эсером, буржуазным националистом. Основания для таких характеристик не названы.

Михаил Разумов, секретарь Татарского, затем Восточно-Сибирского обкомов партии (арестован 1 июня 1937 г., расстрелян 27 сентября 1937 г.) В его деле никаких упоминаний о Г. Ибрагимове нет.

Из всех этих данных было ясно одно—что никаких фактов нет, а есть показания, выбитые из напуганных, отчаявшихся, измученных людей, которых заставляли приклеивать друг на друга политические ярлыки... Никакого серьезного обвинения они собою не представляли. Следовательно Аминов писал в заключении: “Эти данные не могут служить доказательством вины Ибрагимов, так как они носят общий характер и в них не говорится о совершении Ибрагимовым какого-либо конкретного преступления, а некоторые из этих лиц, кроме того, на суде отказались от показаний, данных ими на предварительном следствии”. И он, на основании выводов литературной экспертной комиссии, опроверг обвинение в том, что Ибрагимов вел контрреволюционную работу “на культурно-идеологическом фронте”.

Аминов ждал ответов на свои запросы из разных архивов страны. Слишком много вопросов оставила за собой жизнь такого деятельного и сложного человека, каким был Галимджан Ибрагимов. Нужна была документально подтвержденная правда.

Оперативное наблюдение за Ибрагимовым усилилось в 1927-1928 годах. С чем это было связано, нетрудно понять. В 1927 году отмечалось 10-летие Октябрьской революции, анализировались результаты изменений в обществе. Ибрагимов предложил брошюру “Каким путем пойдет татарская культура?” Это были развернутые тезисы его выступления на специальном совещании по национальному вопросу в обкоме партии. Партийным товарищам понравилось, когда Ибрагимов резко отозвался о неприятии рецидивов великодержавного шовинизма и местного национализма. Но их явно насторожило его следующее утверждение: “Народы, говорящие на татарском языке, где бы они ни жили, считаются частями одного культурного коллектива. Поэтому вопрос о постоянном контакте с татарами, живущими вне Татарской республики, должен быть одним из моментов, занимающих особое место в развитии и усилении татарской культуры. Вместе с тем, с ростом и подъемом татарской культуры и моменты обмена культурными и научными опытами с другими тюркскими народами должны иметься в виду”. Постановление Татарского ОК ВКП(б) 14 июня 1927 года осудило выступление Ибрагимова как тенденцию к культурно-национальной автономии. Его упрекали в том, что “он ставит национальную культуру не средством к социалистическому строительству, а самоцелью”, что защищает не слияние культур, а право татарского народа развивать собственную культуру на основе своего родного языка...

Авторитет Ибрагимова, особенно среди национальной интеллигенции, быстро рос. Когда в 1927 году Ибрагимов

поехал на лечение в Крым, агентура местного ГПУ доносила о недовольстве татарской интеллигенции тем, что на его лечение выделено недостаточно средств. В Ялту ушла телеграмма и за писателем быстро было установлено визуальное наблюдение. Письма, поступающие в дом № 5 по улице Халтурина, перлюстрировались. Принимались провокационные меры с целью опорочить писателя, подорвать его влияние на общественную жизнь республики. Одной из таких мер стало сообщение из Казани в Восточный отдел ОГПУ о том, что "председатель Академцентра Татаркомпроса Г. Ибрагимов получил для просмотра роман под заглавием "Кзыл чэчэкляр" ("Красные цветы") от гражданки, проживающей в Москве, Марьям Исхаковой-Хансеваровой, ... присвоил его себе и выпустил от своего имени..." Казанские гэнэушники просили найти и допросить эту гражданку и способствовать снятию Ибрагимова с поста председателя Академцентра за "активную националистическую деятельность". Вскоре из Москвы сообщили, что гражданка Исхакова-Хансеварова в столице никогда не проживала, ее искали в Хиве, но не нашли и там. Да ее и не могли найти! Ведь известно, что повесть "Красные цветы" была написана Ибрагимовым в 1921-1922 годах, и он никак не мог ее "просматривать" в 1927-м.

Но фамилия была выбрана не случайно. Мастера интриги и провокаций рассчитывали как-то соединить имена Ибрагимова и Исхаки, бросить тень на его зарубежные связи. В апреле 1927 года из Казани следует специальная справка о писателе: "В жизни Ибрагимова нужно разбираться по следующим данным, характеризующим его, как человека консервативного убеждения и как человека, использовавшего революцию в интересах личной жизни, и как идеолога, вначале пантюркиста, а после Октября—пантатариста". В справке отмечалось, что Ибрагимов и Исхаки все время боролись за первенство в литературе. Подчеркивалось, что Ибрагимов вступился за К. Тинчурина, когда его хотели освободить от должности главного режиссера, способствовал назначению директором татарского театра Ф. Бурнаша, поддерживал брата Гаяза Исхаки Хасана, который работал в театре суфлером, и не возражал против постановки пьесы Г. Исхаки, но ее запретила цензура (главлит).

При этом намеренно забывалось то обстоятельство, что Ибрагимов и Г. Исхаки дискутировали между собой еще на I-м Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г.) о будущем мусульман. Исхаки тогда предлагал всем мусульманам России объединиться на одной платформе и под одним знаменем. Ибрагимов говорил: "Мы дошли до самого тонкого места. Это—определение нашего

политического пути. Это вопрос о том, под какое—под алое или красное—~~а~~мя должны встать? Вместе с какими партиями должны мусульмане России решать свои проблемы?.. Нам нельзя идти по линии, предложенной господином Г. Исхаки. Это очень широкий, расплывчатый путь, это—туман... Мы должны составить блок с социалистами-революционерами". В 1924 году в книге "Черные веки и белоэмигрантская литература" Ибрагимов резко критиковал работы Г. Исхакова и М. Бигиева за "реакционные идеи пантюркизма и панисламизма". Эта книга была свидетельством лояльности и благонадежности Ибрагимова, в ней он заявлял о себе как защитнике Советской власти, подписывался под анафемой ее неприятелям, неприятием их воззрений. И все равно ему не доверяли те, кого он защищал...

В феврале 1926 года в Баку состоялся I-й Всесоюзный тюркологический съезд, посвященный вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов. Ибрагимов был главой делегации Татарии и выступил на съезде с особой позицией: не возражая против латинизации, считать ее практическое осуществление в условиях республики невозможной. Это было не только его мнение. Секретариат Татарского ОК ВКП(б) 3 февраля 1926 года дал делегации республики на тюркологическом съезде директиву: "Принципиально не возражать, практически в отношении ТАССР считать невозможным перейти на новый шрифт" (ПАТО.—Ф. 15.—Оп. 7.—Д. 39.—Л. 57). Ибрагимов на съезде проводил согласованную с партийным руководством республики линию. Но это позже забылось, Ибрагимову стали в 30-е годы ставить в вину выступления против латинизации алфавита.

В марте 1927 года Ибрагимов тяжело заболел, пошла горлом кровь, и он был отправлен в Ялту на лечение. После того, как в 1929 году было принято решение о переходе на латинский шрифт, Ибрагимов не возражал против этого.

В 1927 году началась подготовка в республике к проведению юбилея, посвященного 20-летию творческой и общественно-политической деятельности Ибрагимова. В ноябре 1927 г. секретариат обкома партии создал юбилейную комиссию: нарком просвещения Н. Мухутдинов (председатель), Ш. Камал, Ф. Бурнаш, Г. Нигмати, С. Бурган и др. Празднование было намечено на 10 марта 1928 года.

В январе 1928 г. ОГПУ сообщало руководителю чекистов Татарии Дмитрию Кандыбину, что готовящийся юбилей Ибрагимова "будет использован для укрепления позиции националистов против пролетарской идеологии и, в частности, против латинизации". В сообщении приводились

выдержки из статьи эмигранта Б. Баттала. "У казанских коммунистов", опубликованной в журнале "Ени Туркестан", в которой Ибрагимов был назван "мужественным защитником татарской культуры". На запрос ОГПУ нарком просвещения страны А. В. Луначарский сообщал, что никаких указаний по поводу юбилея Ибрагимова не давал и предлагал отметить его только в Татарии. Эту позицию заняли и чекисты. Кандыбин писал секретарю Татарского ОК ВКП(б) М. Хатаевичу, что юбилей следует ограничить литературным вечером Ибрагимова и не дать ему стать праздником мусульман страны.

Одновременно перед сексотом в Ялте была поставлена задача выяснить, как смотрит Ибрагимов на латинизацию алфавита, на сближение с Турцией, на национальную политику ВКП(б). Ибрагимов был осторожен. Сексот докладывал его мнение о том, что латинский алфавит победит, так как этого хочет ВКП(б).

Не удалось уменьшить и значения юбилея. Многочисленные телеграммы и приветствия со всех концов страны, присвоение Ибрагимову звания Героя Труда указывали на значение его деятельности для всех тюркоязычных народов страны. Профессор Узбекского государственного университета А. Г. Саади в специальной работе "Галимджан Ибрагимов и его литературное творчество" (Казань, 1928) подчеркивал международный характер творчества Ибрагимова и назвал его одним из "величайших творческих талантов, созревших в татарском мире".

В отчете местного ГПУ о юбилее отмечалось, что он стал праздником татарской культуры, что в комиссии по проведению юбилея вначале мнения разошлись: коммунистическая часть предлагала чествовать его только как культурного деятеля, другая, "националистическая", как культурного и политического деятеля. Последние победили. Профессор М. Курбангалиев заявил: "Хотя мы Ибрагимова за многое можем ругать, но юбилей нужно подчеркнуть, потому что это юбилей татарина. В данном случае из-за принципа мы должны забыть всякую вражду". Юбилей открыл И. Рахматуллин, выступали Г. Нигмати, Г. Линсцер, Г. Богаутдинов, И. Векслин. Получение комиссией правительственной телеграммы от эмигранта Юсуфа Акчурина поставило ее "в неудобное положение".

Рост авторитета Ибрагимова (местные гепэушники связывали его с активизацией "националистов") заставил их пойти на очередную провокацию против большого писателя. В сентябре 1928 года ими было организовано заявление в свой адрес от бывшего агента царской охраныки Тухватуллы Мамлеева, проживавшего тогда по адресу: Казань, ул. Лево-Булачная, д. 50, кв. 3. Он заявил, что

Ибрагимов, будучи в 1913 году в Киеве, выдал революционных студентов жандармам. Мамлеев писал, что знает Ибрагимова с 1910 года. "Впервые я познакомился с ним у поэта Тукаева, которого Ибрагимов посещал довольно часто. Отчасти около Тукаева и отчасти через Ш. Ахмадеева Ибрагимов познакомился с разными кругами татарской молодежи: с.-р., с.-д., артистами, студентами, журналистами... Будучи от природы довольно способным, энергичным и чрезвычайно любознательным человеком, Ибрагимов старался от тогдашней общественности получить все, что только возможно в идейном отношении. Он занимался самообразованием, под влиянием среды быстро культивировался, начал писать". Мамлеев сообщал, что Ибрагимов до революции был связан с социалистами: И. Кулиевым, Х. Ямашевым, Ф. Сайфи, Г. Терегуловым и др. "В 1913 г. Ибрагимов поехал в Киев на съезд мусульман-социалистов. Но Казанское жандармское управление об этом знало. Ибрагимов жандармов интересовал мало, потому он провокатор".

Справка: Мамлеев Т. Г., 1887 года рождения, выпускник казанской татарской учительской школы. Арестован как агент охраны 22 апреля 1917 г. Позже член комиссии по разбору полицейских архивов адвокат В. Н. Иванов вспоминал: "Немедленно после ареста Мамлеев был допрошен мною в присутствии председателя Совета Поплавского и председателя татарских социалистов Муллачура Вахитова... и сознался в своем сотрудничестве с охранкой под кличкой "Житель"... Это известие сильно подействовало на Вахитова". Проведя несколько месяцев в заключении, Мамлеев был освобожден в августе 1917 года по амнистии Временного правительства и уехал из Казани. Вновь его арестовали чекисты 26 апреля 1921 года в Арске, где он работал учителем, будучи к тому времени членом РКП(б).

Следователям-чекистам пришлось основательно проанализировать документы охраны, собрать доносы провокаторов, опросить многих свидетелей, чтобы полностью разоблачить деяния Мамлеева. Его провокаторская деятельность началась в 1909 году, но, по заключению следствия, "наиболее вредные показания относятся к 1912-1914 гг., когда на основании его показаний систематически ликвидировались татарские революционные группы". Он доносил на Г. Тукая, Х. Ямашева, Г. Ибрагимова, Г. Кулахметова, Г. Губайдуллина, Ф. Амирхана, писал, что на квартире большевика Г. Сайфутдинова "витают дух Маркса". За доносами шли аресты. 10 ноября 1922 года Мамлеев, уроженец г. Белебея Уфимской губернии, бывший потомственный дворянин, был осужден на 5 лет строгой тюремной

изоляции. О нем писал Г. Мансуров в книге "Татарские провокаторы" (М., 1927). Г. Ибрагимов в книге "Татары в революции 1905 года" (Казань, 1926). И вот теперь его услугами воспользовались чекисты... Пошел слух об Ибрагимове...

Следователь Аминов запросил архивы Татарии и Украины. Из ЦГА ТАССР сообщили 22 июня 1955 г., что в фондах Казанского губернского жандармского управления Ибрагимов значится находящимся под наблюдением полиции и имеет кличку "Интеллигентный". В 1913 г. он был членом кружка мусульман-студентов в Киеве, где в апреле 1913 г. был арестован. КГЖУ зафиксировало участие Ибрагимова 9 января 1915 г. на юбилейном обеде в память Марджани. Из Центрального Государственного архива Украины 7 июля 1955 г. сообщили, что полиция наблюдала за Ибрагимовым в апреле 1913 г. как за одним из учредителей съезда мусульман-студентов в Киеве, где он и был арестован. В справке из Центрального Государственного Исторического архива подтверждался факт ареста Ибрагимова в Киеве и его освобождение 13 июня 1913 г. за недостаточностью улик. На основании агентурных полицейско-жандармских сведений отмечалось, что в 1913 г. среди татар появилась мысль о создании татарской революционной партии. Эта партия должна была иметь свою газету, редактором которой должен был быть Ибрагимов.

В 1913 г. Ибрагимов жил в Уфе и Казани, сотрудничал в татарской периодике и был фактическим редактором журнала "Анг" в Казани. Его поездки в Киев и другие города были вызваны планами создания татарской партии. Сексоты сообщали, что в феврале 1914 г. Ибрагимов "искал золотой середины между социалистами-революционерами и социал-демократами, и в то же время считал своим идеалом согласование этой середины с пантюркизмом". В 1915 г. КГЖУ указало на собрание "Общества пособия бедным мусульманам г. Казани", в котором принял участие Ибрагимов.

Ни в одном из архивов никаких сведений о сотрудничестве Ибрагимова с охранкой не было, да их и не могло быть нигде, кроме как в больной голове провокатора Мамлеева.

Из архивов Казани и Уфы сообщали о пребывании Ибрагимова с 15 апреля 1917 г. по 27 февраля 1918 г. в партии левых эсеров, о чем он сам писал во всех своих автобиографиях; что он был избран членом Учредительного собрания от Уфимской губернии, делегатом 3-го Всероссийского съезда Советов.

Шаг за шагом следователь документально восстанавливал, реконструировал жизнь писателя и общественного деятеля для того, чтобы сделать вывод: "Учитывая, что в процессе дополнительной проверки никаких объективных данных о принадлежности Ибрагимова к какой-либо антисоветской организации и проведении им вражеской деятельности не установлено... следственное производство по настоящему делу прекратить за отсутствием в действиях Ибрагимова состава преступления".

Суда над писателем не было, следствие было прекращено в связи с его смертью. Не было никакого приговора. Непонятно, на каком основании его произведения были изъяты из библиотек, а имя запрещено упоминать с положительными эмоциями... Ответ один: в бесправном идеологизированном государстве, где главенствует не закон, а мнение власть имущего,—все дозволено.

Так или иначе, но решением следователя КГБ ТАССР М. Аминова справедливость (если это можно так назвать) восторжествовала. 24 сентября 1955 года честное имя Г. Ибрагимова, писателя и человека, было восстановлено.

Потом начались дела наследственные, семейные, о чем моралисты на словах всегда предпочитали скромно помалкивать. Галимджан Ибрагимов был женат трижды. Его последняя жена, Хадича Мухаметовна Фаткуллина, жила с больным писателем с 1933 г., вступила с ним в законно оформленный брак в 1935-м, а знала его еще с дореволюционных времен, когда училась в Уфе в мусульманской женской школе, где ее будущий муж некоторое время преподавал.

В 1957 году она обратилась в КГБ ТАССР с письмом, в котором сообщала о своей судьбе: как была в Ялте при аресте писателя, вернулась в Казань, пыталась выяснить что-либо о нем, а затем уехала к родственникам в Омск; затем в Актюбинск, где всю войну проработала медсестрой в госпитале; в Алма-Ату, где вышла в 1950 году замуж, а муж через три года умер. Но главное—она спрашивала о том, где документы и рукописи Ибрагимова, изъятые две сберкнижки (около 23 тысяч рублей). К тому времени она знала о реабилитации писателя.

Следы этих сберкнижек искали в Ялте и Казани, но не нашли. Хадиче Мухаметовне в иске отказали с мотивировкой, что указанные сберкнижки сданными в доход государства не значатся". Хотя финансовый отдел МВД ТАССР подтвердил получение двух сберкнижек Ибрагимова на общую сумму 23208 рублей, но отметок о сдаче в доход государства или о возвращении родственникам владельца нет.

Начались поиски арестованных документов и рукописей. Х. М. Фаткуллина утверждала, что они были упакованы в два чемодана и ящик, и что этим занимался некто Курбанов.

Бывший сотрудник НКВД Сунгатулла Курбанов проживал в Казани, его допросили, он написал о том, что помнил и что хотел вспомнить... Это было 17 апреля 1962 года.

Курбанов сказал, что был в Ялте с ордером на арест Г. Ибрагимова в августе 1937 года. При аресте и обыске были жена, понятой и сотрудник Ялтинского городского отдела НКВД. Он заверял, что при обыске, кроме документов, браунинга, двух сберкнижек и писем, была изъята лишь папка с рукописями. Все изъятое им было занесено в протокол и сдано в Ялтинское городское отделение НКВД для отправки фельдсвязью в НКВД Татарии. "При аресте Г. Ибрагимова из вещей и домашней обстановки ничего не описывалось (обстановка была скромная),— вспоминал Курбанов.—Г. Ибрагимов во время ареста находился в очень тяжелом болезненном состоянии и находился под постоянным наблюдением медработников. После ареста Г. Ибрагимов был сдан в горотдел и после прибытия в Казань... помещен в тюремную больницу НКВД ТАССР, где он вскоре умер. В связи с тяжелым болезненным состоянием Г. Ибрагимов допросам не подвергался. О судьбе изъятых мною документов—рукописи Г. Ибрагимова мне ничего не известно. И кто их получил по прибытии из Г. Ялты, мне также ничего не известно".

Бывший сотрудник НКВД Татарии Ильяс Юнусов на вопрос, что ему известно о рукописях писателя Г. Ибрагимова, ответил так: "Тогда была кутерьма. Подобные бумаги складывались в одну из комнат. Все это находилось в хаотическом состоянии. В протокол включались только те документы, которые имели отношение к делу. Остальные документы без разбора складывались в ящик и... все это выбрасывалось в комнату". Он сказал, что рукописей Ибрагимова он не видел, и оживился, услышав о жене Ибрагимова. "Знаешь ли ты,—сказал пенсионер-отставник спрашивающему его представителю КГБ,—что из себя представляла эта женщина. После того, как они разошлись, она вышла замуж за муллу..."

Заметим, что в протоколе обыска, проведенного 29 августа 1937 г. на ялтинской квартире Г. Ибрагимова, значится папка с пометкой: разные документы Ибрагимова. Рукописи не упомянуты. Их так и не нашли. А деньги в 1962 году Хадиче Мухаметовне вернули, правда, было решено при этом учесть не только набежавшие проценты, но и две денежные реформы 1947 и 1961 годов...

Все документы в подобных делах требуют проверки на подлинность. Они принадлежали людям, лгавшим себе и другим. Их трудно, невозможно, страшно читать. Они как бы отчуждают того, о ком в них идет речь, и стоят на страже одного из самых бесчеловечных режимов в истории человечества. Но их надо читать, о них необходимо знать, чтобы понять всю мерзость предательства, унижения людей, возмутиться и сказать: нам нужна не такая, а другая жизнь, другие нравственные отношения между людьми...

...А пока мы ставим Галимджану Ибрагимову памятники. Их уже два—один перед школой N 89, а другой—посмертный—на Архангельском кладбище Казани.

ВАСИЛИЙ СЛЕПКОВ—ПОЛПРЕД БУХАРИНА В КАЗАНИ

Следственное дело Василия Николаевича Слепкова занимает восемь плотно набитых бумагами папок. Ему было 35 лет, когда сержант ГБ Татарии Черпаков, с одобрения капитана Веверса, вынес 28 апреля 1937 г. решение об его аресте "как участника контрреволюционной террористической организации правых в г. Москве". В постановлении с обоснованием ареста Слепкова подчеркивалось, что он являлся "руководителем контрреволюционной террористической организации правых в г. Казани". Внизу на листе подпись Слепкова: "Настоящее постановление мне объявлено".

4 мая 1937 г. Слепкову было объявлено о переквалификации состава преступления. Теперь Слепкову было предъявлено обвинение в том, что он "своей деятельностью покушался на совершение терактов над руководителями ВКП(б) и советского правительства".

Но к тому времени Слепков был уже арестован. Это случилось 14 января 1937 г. в Баку. Там, на улице Басина, д. 33, кв. 5, был произведен обыск и были изъяты его личные документы, переписка и книги. После короткого следствия в Баку он был этапирован в Казань, где сержант Черпаков постановил: личные документы Слепкова (паспорт, военный билет, переписку) сдать на хранение, а брошюру Серебровского, Брейтман и других "уничтожить путем сожжения".

Одновременно в Казань собирали тех, кто ранее был как-то связан с В. Слепковым, затем был осужден, сослан, жил в других городах. Всем им предъявлялось новое обвинение, готовился повторный судебный процесс "по вновь открывшимся обстоятельствам". Они были связаны с тем,